

Втянув носом воздух, Тан Бай мягко объяснил:

— Ты не так понял, хоть он и мой будущий жених — я ему не нравлюсь.

После этих слов уши Се Рухэна и Гу Тунана одновременно наострились.

Тан Бай громко продолжил:

— Он просто использует меня, как щит, чтобы на него не давили родители. Я ему совсем не нравлюсь, и то, что он будет моим будущим женихом, решили наши семьи, в действительности у него ко мне нет никакого интереса.

Се Рухэн, прищурившись, посмотрел на Гу Тунана и увидел, что его серо-синие глаза пристально смотрят на Тан Бая, как будто скрывая тысячу слов. Никакого интереса? Что-то не похоже, что у него нет никакого интереса к Тан Баю.

Хех, ты думаешь, я поверю в то, что у будущих женихов нет никаких чувств друг к другу?

Маленькая рука несчастно схватилась за уголок его одежды, слабо потрясла, и Тан Бая позвал его, как кот:

— Се-гэ, не игнорируй меня.

Се Рухэн: ...

Се Рухэн глубоко вдохнул и сказал самому себе, что не надо поддаваться!

Нет смысла кокетничать! Кокетство зеленого чая разрушает его психическую основу! Это яд под слоем сахара!

Откажись от зеленого чая! Начни отказ с отказа от кокетства!

Се Рухэн изо всех сил старался перестроить себя ментально, но снаружи был спокоен: с холодным и бесстрастным взглядом, как будто изображение на стене — недостижимый и недоступный.

Он бы выглядел правдоподобнее, если бы перестал так сильно сжимать зубы.

После встречи с чистыми и ясными глазами Тан Бая, глаза феникса померкли еще больше. Се Рухэн уставился на невинное, как белый цветок, лицо. Посмотрел слева, посмотрел справа. Посмотрел на свободную белую рубашку, которая все равно хорошо выделяла стройную фигуру своего обладателя, и его детектор лжи бешено работал, но все же не мог твердо решить, является ли Тан Бай зеленым чаем.

От терзаний глаза Се Рухэна покраснели!

В теле Се Рухэна безостановочно бурлила обида, и если эту обиду попытаться передать словами, то получится —

Сэр, как такое возможно! Омега моей мечты — зеленый чай?!

Обладатель янтарных глаз, таких чистых и ясных, что казалось, что через них можно увидеть такую же чистую душу, говорит, что Гу Тунан абсолютно точно его не любит... Подождите-ка!

Тан Бай всего лишь сказал, что Гу Тунан его не любит, но не сказал ни слова о том, что Гу Тунан ему не нравится!

Слова, которыми он так отчаянно попытался оправдаться, были: «Гу Тунан меня не любит, так что ты не подумай, что я ему нравлюсь.»

Разве нормальный человек в этом случае не должен сказать: «Мне совсем не нравится Гу Тунан»?

Ему нравился Тан Бай, а не Гу Тунан, зачем тогда омега так серьезно попытался объяснить, что Гу Тунан к нему ничего не чувствует?

Потрясающе... Это действительно потрясающий ход...

Если бы Тан Бай сказал, что ничего не чувствует к Гу Тунану, то он точно бы ранил его сердце. Но Тан Бай сказал, что Гу Тунан ничего к нему не чувствует, и это одновременно придало Гу Тунану чувство невыполненного долга и ввело Се Рухэна в заблуждение, ведь впервые услышав это, он подумал, что между ними ничего нет.

Он видел только второй этаж, думая, что Тан Бая на первом, но в действительности Тан Бай находился на пятом!

Все обдумав, Се Рухэн жестоко и безжалостно решил отказать Тан Баю. Несмотря на то, что ему нравился такой типаж омеги, как Тан Бай — у Тан Бая уже был будущий жених.

Не важно, насколько болит душа, он все равно должен отказать!

— Раз уж пришел твой жених, то в будущем обращайся за помощью к нему. Нам больше не стоит контактировать.

Когда он это говорил, Се Рухэн смотрел вниз, боясь, что если он увидит лицо Тан Бая, то сразу же сдастся, что можно назвать невероятным самопознанием.

— А?..- Тан Бай, ничего не понимая, широко раскрыл глаза, и в них ясно читалась раздирающая сердце обида. Даже если Се Рухэн не смотрел на лицо омеги, по

всхлипывающему тону Тан Бая, он мог сам представить залитое слезами лицо омеги.

Очевидно, что проблема была в Тан Бае, так почему Се Рухэн чувствовал вину, как будто он подонок альфа!

— Ты, почему ты так поступаешь? — Тан Бай от нервов был на грани слез. Говорят, что альфы, как одежда, а друзья, как руки и ноги. Так почему Се Рухэн сейчас решил оставить одежду и переломать свои конечности?

У Се Рухэна заболело сердце:

— Уже поздно, я пойду. — Он больше не хотел слушать плаксивый тон Тан Бая и с холодным лицом повернулся, чтобы уйти. Тан Бай запаниковал и спешно попытался схватить его за руку, но успел всего лишь схватить Се Рухэна за кончики пальцев и случайно стянул его черную кожаную перчатку.

Перед его глазами предстала ладонь с длинными и стройными пальцами, с четко очерченными суставами и с ужасными следами от ожогов.

Его бледная кожа была заполнена шрамами, похожими на кору дерева, с неровными краями. Казалось, будто у него по руке карабкалась сколопендра, и, если бы это увидел какой-нибудь трусливый человек — ему бы точно стало не по себе.

Се Рухэн остановился, нахмурился и обернулся к Тан Баю.

Хотя Тан Бай ничего не сказал, удивление в его глазах уже что-то объясняло. Се Рухэн знал, что энтузиазм Тан Бая частично происходил из любви к его внешнему виду.

В этом нет ничего достойного порицания, так как его симпатия к Тан Баю, по большей части, тоже происходит из его внешности.

Так называемая любовь с первого взгляда, фактически, всего лишь любовь к образу.

В его голове пролетело бесчисленное количество вариантов реакции омеги: страх, отвращение, ужас...

Однако, в глазах омеги, Се Рухэн увидел только мягкость. И эта мягкость излечила все плохое в его сердце, все его мрачные мысли и эмоции.

На мгновение Се Рухэн был как будто в трансе. Он неожиданно вспомнил, что при их первой встрече, Тан Бай смотрел на него таким же взглядом.

— Прости, я... — Тан Бай трепетно передал перчатку обратно Се Рухэну. Он хотел сказать что-то утешительное, но не мог подобрать слов, они не приходили ему на ум.

В книге говорится, что Се Рухэн всегда носит перчатки, чтобы скрыть шрамы на руках, но внимание на том, как он их получил, сильно не акцентировалось.

Когда Се Рухэн был ребенком, он голодал на протяжении многих дней, и от отчаянья решил украсть хлеб из магазина. Но из-за его неопытности, его поймал хозяин магазина.

Владелец связал Се Рухэна, и на глазах у толпы облил его руки кипящей водой, чтобы предупредить других «крысок», прячущихся в тени.

Вот только Се Рухэн с начала и до конца не произнес ни звука и почти не двигался, поэтому предупреждение не достигло наилучшего эффекта.

После ошпаривания кипятком, руки Се Рухэна не получили нужного ухода. Руками, которые обрастали волдырями, он копался в мусоре в поисках еды, и они стали сильно гноиться.

Когда Тан Бай читал книгу, в его голове проплыла мысль: «О, у него ожог на руках», но она была легкой, как пылинка, и сразу же рассеялась. Однако, когда текст превратился в реальность, его как будто удалило камнем, и тяжелое давление появилось у Тан Бая на сердце.

Когда Тан Бай только-только начинал готовить, на него случайно брызнуло горячее масло и ошпарило его, оставив маленький красный шрамик на руке. Он сразу же поспешно начал искать пластырь, боясь, что останется след. Руки Се Рухэна превратились вот в это, как омеге, как же тяжело ему было!

Но удалять шрамы лучше всего, когда они только зарубцевались. После стольких лет, Се Рухэну будет трудно от них избавиться, если только он не решит сделать операцию.

Тан Бай чувствовал вину за то, что обнажил чьи-то шрамы, и не знал, куда себя деть. Он только и мог, что прошептать «прости» и смотреть, как Се Рухэн взял свои перчатки и, повернувшись, ушел.

Летающий автомобиль исчез в сумерках, в носу Тан Бая начало щипать, и он очень хотел расплакаться.

Управляющий Хуан похлопал его по плечу:

— Сяо Тан, в каком уголке земли нет ароматной травы? Посмотри на студента Гу, он так беспокоился о тебе — один звонок, и он сразу же примчался. Ты разве не хочешь объяснить все студенту Гу?

Тан Бай: А?..

— Как человек, свидание с которым ты указал в своем пропускном листе, я имею право знать, где проходила твоя встреча. С кем ты был сегодня вечером, где вы были и чем занимались?
— Гу Тунан достал из кармана блокнот. В эпоху, когда для записи информации использовали протонный компьютер, мало кто использовал для записи бумажные изделия.

Управляющий Хуан сразу начал яростно сигналить Тан Баю глазами: «ревнует, ревнует».

Тан Бай: ...

Тан Бай сразу же понял, что это недоразумение. Он знал, что Се Рухэн был омегой, но другие этого не знали.

— С Се Рухэном. — Тан Бай вздохнул. — Что мы делали — это мое личное, и мне не нужно тебе об этом докладывать, верно?

Гу Тунан опустил глаза и записал на бумаге имя Се Рухэна. В его голосе не было никаких колебаний:

— Где вы были и что делали?

— Гу Тунан, это было ошибкой с моей стороны, однако обычно ты докучаешь мне не меньше. Я устал и больше не хочу, чтобы мы вредили друг другу. Давай отныне перестанем быть лицемерными будущими женихами, хорошо?

Управляющий Хуан: !!!

Не услышав желаемый ответ, Гу Тунан поднял глаза:

— Учитель академии доверил мне тебя. Если снаружи с тобой что-нибудь случится, а я даже не буду знать где ты и с кем ты — это будет нарушением моих служебных обязанностей.

Когда дело дошло до этих трех слов, Тан Бай сразу же понял, что сегодня ему все же придется ответить. Гу Тунан был человеком скрупулёзным и всегда действовал по шаблонам, придавая большое значение правилам и чести. «Нарушение служебных обязанностей» было в его списке недозволенных слов.

...Хорошо.

— Трущобы. По делу. — Ответил Тан Бай с гримасой.

— Что за дело? — Кончик кисти задержался, оставив пятно на бумаге.

Тан Бай ответил наобум:

— Чтобы ознакомиться с обычаями и условиями трущоб. — Фактически, это было правдой, для его материалов он и вправду собирался ознакомиться с ними.

Кончик кисти все еще стоял на бумаге, не двигаясь, и пятно становилось все больше и больше. Гу Тунан холодно и жестко сказал:

— Я не принимаю эту причину.

Тан Бай: ...

— Дай мне убедительное обоснование. — Сказал Гу Тунан слово в слово.

Управляющий Хуан начал сбоку ему подпевать:

— Сяо Тан, не капризничай, ты должен все объяснить четко и правдиво. Это нужно знать не только студенту Гу, но и школе тоже.

Тан Бай очень устал и не хотел еще несколько часов слушать долгие и нудные речи управляющего Хуана, поэтому с деревянным лицом он сказал:

— Я искал материал для своей книги.

— Что за книга? — Спросил Гу Тунан.

Тан Бай вздохнул, как древний старик:

— Главный герой моей книги — омега из трущоб. Я не хотел отрываться от реальности, поэтому пошел собирать материал. Так достаточно ясно? Я могу идти?

Услышав это, кисть в руке Гу Тунана прочертила бессмысленную линию.

Тан Бай ушел, не оглядываясь, и управляющий Хуан начал спешно пытаться объяснить все Гу Тунану:

— Ох, студент Гу, ты не принимай это близко к сердцу. Сяо Тан устал за сегодня, говорит, не думая, на самом деле ты ему нравишься...

— Да.

Управляющий Хуан, который только начал свою длинную речь, запнулся и ошарашено посмотрел на Гу Тунана.

Только, чтобы увидеть, как самый трудный представитель семьи Гу, по слухам холодный, как лед, альфа высшего класса, подчеркивая каждое слово сказал:

— Я знаю, что я ему нравлюсь.

На полпути Тан Бай чихнул, и, потирая покрасневший кончик носа, увидел, что ему на протонный компьютер пришло сообщение от дедушки:

□Почему Тантан* сегодня пошел в трущобы с незнакомым альфой? □

*Тут используется иероглиф созвучный с его именем, который означает сахар, сладость

<http://bllate.org/book/15734/1408445>